Соловей Будимирович

Из-под старого вяза высокого, из-под кустика ракитового, из-под камешка белого вытекла Днепр-река. Ручейками, речками полнилась, протекала по русской земле, выносила к Киеву тридцать кораблей. Хорошо все корабли изукрашены, а один корабль лучше всех. Это корабль хозяина Соловья Будимировича.
На носу турья голова выточена, вместо глаз у нее вставлены дорогие яхонты, вместо бровей положены черные соболи, вместо ушей — белые горностаюшки, вместо гривы — лисы чернобурые, вместо хвоста — медведи белые.

Паруса на корабле из дорогой парчи, канаты шелковые.

Якоря у корабля серебряные, а колечки на якорях чистого золота.

Хорошо корабль изукрашен всем!

Посреди корабля шатер стоит. Крыт шатер соболя ми и бархатом, на полу лежат медвежьи меха.

В том шатре сидит Соловей Будимирович со своей матушкой Ульяной Васильевной.

А вокруг шатра дружинники стоят. У них платье дорогое, суконное, пояса шелковые, шляпы пуховые. На них сапожки зеленые, подбиты гвоздями серебряными, застегнуты пряжками золочеными.

Соловей Будимирович по кораблю похаживает, кудрями потряхивает, говорит своим дружинникам:

— Ну-ка, братцы-корабельщики, полезайте на верхние реи, поглядите, не виден ли Киев-город. Вы берите пристань хорошую, чтобы нам все корабли в одно место свести.

Полезли корабельщики на реи, закричали:

— Близко, близко славный город Киев! Видим мы и пристань корабельную!

Вот приехали они к Киеву, бросили якоря, закрепили корабли.

Приказал Соловей Будимирович перекинуть на берег три сходни. Одна сходня чистого золота, другая серебряная, а третья сходня медная.

По золотой сходне Соловей матушку свою свел, по серебряной сам пошел, а по медной дружинники вы бежали.

Позвал Соловей Будимирович своих ключников:

— Отпирайте наши заветные ларцы, приготовьте подарки для князя Владимира и княгини Апраксин. Насыпайте миску красного золота, да миску серебра, да миску жемчуга. Прихватите сорок соболей да без счета лисиц, гусей, лебедей. Вынимайте из хрустального сундука дорогую парчу с разводами — пойду я к князю Владимиру.

Взял Соловей Будимирович золотые гусельки и пошел ко дворцу княжескому.

За ним идет матушка со служанками, за матушкой несут подарки драгоценные.

Пришел Соловей на княжеский двор, дружину свою у крыльца оставил, сам с матушкой в горницу вошел.

Как велит обычай русский, вежливый, поклонился Соловей Будимирович на все четыре стороны, а князю с княгиней особенно, и поднес всем богатые дары.

Князю дал он миску золота, княгине — дорогую парчу, а Забаве Путятишне — крупного жемчуга. Се ребро роздал слугам княжеским, а меха — богатырям да боярским сыновьям.

Князю Владимиру дары понравились, а княгине Апраксин еще больше того.

Затеяла княгиня в честь гостя пир. Величали на том пиру Соловья Будимировича и его матушку.

Стал Владимир-князь Соловья расспрашивать:

— Кто такой ты, добрый молодец? Из какого роду-племени? Чем мне тебя пожаловать: городами ли с приселками или золотой казной?

— Я торговый гость, Соловей Будимирович. Мне не нужны города с приселками, а золотой казны у меня самого полно. Я приехал к тебе не торговать, а в гостях пожить. Окажи мне, князь, ласку великую — дай мне место хорошее, где я мог бы построить три терема.

— Хочешь, стройся на торговой площади, где женки да бабы пироги пекут, где малые ребята калачи продают.

— Нет, князь, не хочу я на торговой площади строиться. Ты дай мне место

поближе к себе. Позволь мне построиться в саду у Забавы Путятишны, в вишенье да в орешнике.

— Бери себе место какое полюбится, хоть в саду у Забавы Путятишны.

— Спасибо тебе, Владимир Красное Солнышко. Вернулся Соловей к своим кораблям, созвал свою дружину.

— Ну-ка, братцы, снимем мы кафтаны богатые да наденем передники рабочие, разуем сапожки сафьяновые и наденем лапти лычковые. Вы берите пилы да топоры, отправляйтесь в сад Забавы Путятишны. Я вам сам буду указывать. И поставим мы в орешнике три златоверхих терема, чтобы Киев-град краше всех городов стоял.

Пошел стук-перезвон в зеленом саду Забавы Путятишны, словно дятлы лесные на деревьях пощелкивают…

А к утру-свету готовы три златоверхих терема. Да какие красивые! Верхи с верхами свиваются, окна с окнами сплетаются, одни сени решетчатые, другие сени стеклянные, а третьи — чистого золота.

Проснулась утром Забава Путятишна, распахнула окно в зеленый сад и глазам своим не поверила: в ее любимом орешнике стоят три терема, золотые маковки как жар горят.

Хлопнула княжна в ладоши, созвала своих нянюшек, мамушек, сенных девушек.

— Поглядите, нянюшки, может, я сплю и во сне мне это видится: вчера пустым стоял мой зеленый сад, а сегодня в нем терема горят.

— А ты, матушка Забавушка, пойди посмотри, твое счастье само тебе во двор пришло.

Наскоро Забава оделась. Не умылась, косы не заплела, на босую ногу башмачки обула, повязалась шелковым платком и бегом побежала в сад.

Бежит она по дорожке через вишенье к орешнику. Добежала до трех теремов и пошла тихохонько.

Подошла к сеням решетчатым и прислушалась. В том тереме стучит, бренчит, позвякивает, это золото Соловья считают, по мешкам раскладывают.

Подбежала к другому терему, к сеням стеклянным, в этом тереме тихим голосом говорят: тут живет Ульяна Васильевна, родная матушка Соловья Будимировича.

Отошла княжна, задумалась, разрумянилась и тихонько на пальчиках подошла к третьему терему с сенями из чистого золота.

Стоит княжна и слушает, а из терема песня льется, звонкая, словно соловей в саду засвистел. А за голосом струны звенят звоном серебряным.

«Войти ли мне? Переступить порог?»

И страшно княжне и поглядеть хочется.

«Дай,- думает, — загляну одним глазком».

Приоткрыла она дверь, заглянула в щелку и ахнула : на небе солнце и в тереме солнце, на небе звезды и в тереме звезды, на небе зори и в тереме зори. Вся красота поднебесная на потолке расписана.

А на стуле из драгоценного рыбьего зуба Соловей Будимирович сидит, в золотые гусельки играет.

Услыхал Соловей скрип дверей, встал и к дверям пошел.

Испугалась Забава Путятишна, подломились у нее ноги, замерло сердце, вот-вот упадет.

Догадался Соловей Будимирович, бросил гусельки, подхватил княжну, в горницу внес, посадил на ременчатый стул.

— Что ты, душа-княжна, так пугаешься? Не к медведю ведь в логово вошла, а к учтивому молодцу. Сядь отдохни, скажи мне слово ласковое.

Успокоилась Забава, стала его расспрашивать:

— Ты откуда корабли привел? Какого ты роду- племени?

На все ей учтиво Соловей ответы дал, а княжна забыла обычаи дедовские да как скажет вдруг:

— Ты женат, Соловей Будимирович, или холостой живешь? Если нравлюсь я тебе, возьми меня в замужество.

Глянул на нее Соловей Будимирович, усмехнулся, кудрями тряхнул:

— Всем ты мне, княжна, приглянулась, всем мне понравилась, только мне не нравится, что сама ты себя сватаешь. Твое дело скромно в терему сидеть, жемчугом шить, вышивать узоры искусные, дожидать сватов. А ты сама себя сватаешь.

Расплакалась княжна, бросилась из терема бежать, прибежала к себе в горенку, на кровать упала, вся от слез дрожит.

А Соловей Будимирович не со зла так сказал, а как старший младшему. Он скорее обулся, понаряднее оделся и пошел к князю Владимиру.

— Здравствуй, князь-Солнышко, позволь мне слово молвить, свою просьбу сказать.

— Изволь, говори Соловеюшко.

— Есть у тебя, князь, любимая племянница,- нельзя ли ее за меня замуж отдать?

Согласился князь Владимир, спросили княгиню Апраксию, спросили Ульяну Васильевну, и послал Соловей сватов к Забавиной матушке.

И просватали Забаву Путятишну за доброго гостя Соловья Будимировича.

Тут князь-Солнышко созвал со всего Киева мастеров-искусников и велел им вместе с Соловьем Будимировичем по городу золотые терема ставить, белокаменные соборы, стены крепкие. Стал Киев-город лучше прежнего, богаче старого.

Пошла слава о нем по родной Руси, побежала и в страны заморские: лучше нет городов, чем Киев-град.